

Мария Метлицкая

Кризис бабского возраста

*Часть сборника
Как я изменил свою жизнь к
лучшему*

Мария Метлицкая

Кризис бабского возраста

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11298042
Кризис бабского возраста: Эксмо; Москва; 2015

Аннотация

Можно с уверенностью сказать, что все люди делятся на тех, кто любит и ждет книги Марии Метлицкой, и на тех, кто, по досадному недоразумению, о них пока не знает. Мария умеет видеть счастье в мелочах и донести до читателя это удивительное ощущение, которое способно помочь в тяжелый момент, прибавить нам сил и спасти от отчаяния.

Мария Метлицкая

Кризис бабского возраста

Все было просто ужасно.

Жизнь крошилась, как лежалое песочное печенье, – разваливалась на куски, распадалась на крошки.

Все знают, как это бывает. Куча мудрейших пословиц на тему: пришла беда – отворяй ворота, беда одна не приходит, до кучи, одно к одному. Словом, все навалилось разом, накрыв меня колючим и душным одеялом тоски, уныния и мыслей о несправедливости бытия вообще и моей жизни в частности.

Казалось, что периодические взбрыки и капризы судьбы, именуемые «превратностями», давно закалили, приучили и научили – сопротивляться, противостоять и, наконец, примиряться.

И все же...

Тогда весь этот опыт, все эти горькие знания, вся жалкая мудрость, подобранная на уже довольно долгом жизненном пути, уверенность в том, что все преходяще (да знаем, знаем!) – все это никак не работало.

Ни минуты!

Да и, честно говоря, утешать себя не хотелось. Сопротивляемость жизненным трудностям была вдруг утеряна – как природный иммунитет после тяжелой болезни, что ли.

Бывает и так.

Хотелось одного – закрыть дверь, лечь на кровать, не включая света, и... послать все к черту. У меня на себя сил не осталось.

А тут еще вы!

Не первый, конечно, кризис, но точно – самый тяжелый.

Теперь по порядку: про «все и сразу». Из потерь сердечных – единственный сын покинул отчий дом.

Нет, все нормально. Я же не идиотка. Надо бы радоваться – вырвался из цепких объятий сумасшедшей материнской любви, хватило сил. Вырвался, снял квартиру и зажил своей жизнью. Радуйся, что при всей твоей гиперопеке, при раздутых до невообразимых размеров материнских кошмарах и страхах (время такое) неожиданно для тебя самой вырос мужик. Аккуратно и почти нежно развел твои цепкие руки и упорхнул в свою жизнь.

Это нормально.

Значит, у тебя получилось не сделать уroda, плюшевую игрушку из любимого и единственного мальчика.

А радоваться не получалось. То есть головой – да, конечно. А вот на сердце... Печаль.

Еще долго я пыталась въехать в его жизнь на тяжелой технике – сумки, банки, контейнеры. Грязное белье и чистое.

Поставил на место – вежливо, но не без раздражения: «Мама, не надо! Я попробую сам». Хорошо, что сообрази-

тельная – поняла. Правда, долго редела: «Я! Ему! Совсем не нужна!»

Рисовалась немножко – чтобы муж пожалел.

Потом привыкла.

Пунктом вторым был отъезд любимой подруги – тоже из области сердечных ран. Конечно же, все разговоры сводились тогда к одному – время, слава те господи, другое! Уезжаем не навсегда, границы открыты, бери билет и через восемь часов ты у меня. Ну, или я у тебя. Да, еще телефон, Интернет и вообще...

Вообще... Да бред, конечно.

Раньше ты была на расстоянии трех километров. На расстоянии телефонной трубки без кода и карточки – только протяни руку. А сейчас – сейчас у меня ночь, а у тебя утро! Раньше я звонила тебе по вечерам, когда всех разметаешь по своим углам, и – вот, вот...

– Ну, родная! Поехали?

А сейчас...

Сейчас я буду смотреть на часы, высчитывать время в твоём дурацком Нью-Йорке и думать: могу ли позвонить? У тебя же ассимиляция. И столько проблем.

И постесняюсь, наверное, тебя грузить.

И на билет нужны деньги, а до этого – нужна виза, а дают ее твои новые соотечественники совсем неохотно.

Раньше я звонила тебе и говорила: а пойдём туда? Ну, или

– туда? Посидим, выпьем кофе. Потом пройдемся по центру – по нашему центру, его немножко осталось. По Кировской, от Главпочтамта до «Дома фарфора». Или – от «Маяковки» до «Белорусской».

А после этого отпускала. Сразу!

После наших с тобой «шатаний». После наших посиделок в кафе.

Еще я могла сказать тебе: «Отдай мне что-нибудь. Например, дубленку. Она же тебе надоела. Ну, или серый свитер. Он тебе не идет». Ты возражала, но тут же включалась: «А твой синий плащ? Он тебе мал». Теперь возражала я. Потом, разумеется, договаривались. Получалось – обе в обновках.

Да при чем здесь обновки! Сейчас тебя нет рядом! И когда я к тебе доберусь...

Итак. Сын улетел из гнезда. Подруга уехала.

И я вдруг почувствовала такое сиротство! Не одиночество даже – именно сиротство. А это куда более постоянное ощущение, оно не проходит. К тому же я осознала, что, в сущности, я никто.

В смысле – невелика потеря для общества.

Не то чтобы за «общество» я сильно переживала, нет. Переживала я за себя. Поясняю: по первой профессии, медицинской, я давно не работала. И работать не хотела. А ничего другого и не было. Сидела дома, растила сына. Да, конечно, образование – в школу приходилось возить, потому

что возле дома хороших школ не было. Каждую неделю – театры, музеи. Мальчик получился умный, образованный. Инвестиции в ребенка – да, это главное!

А вот мое сидение дома... Ну, все понятно.

Я образцовая домохозяйка. Профессиональная жена. Это тоже профессия! Так я всем объясняла. Всем и больше всего – себе. Все убрано, все разложено, все приготовлено и все на местах.

А дальше? Да и теперь, когда мы остались с мужем вдвоем, быт упростился, и времени оставалось навалом. Мой крутеж по дому, танцы у плиты, с пылесосом, с тряпками и поварешками – пшик, пустота.

Я никто.

И еще – никому не нужна.

Слезы! И – занавес!

Да нет, конечно, нужна. Я все понимала. И мужу, и маме, и сыну. Не нужна только себе. Так у меня получалось.

В общем, «жизнь прожита зря, я неумолимо старею, ах, ах...».

Меня все это достало – ох как достало! А вырваться из этой тюрьмы не могу. Меня словно приговорили. К этим кастрюлям и швабрам. Я очень несчастная женщина. Вы понимаете? Очень! Нет, правда.

Сын убежал, подруга уехала, муж на работе.

А вот отсюда поподробней. Накаркала.

Муж потерял работу. Точнее, бизнес. И в один день мы остались ни с чем. А если точнее, с долгами. С огромными, надо сказать, долгами. Все помнят те годы – лихие, как их называют. Они и вправду лихие – для всех, без разбору. Все выживали. Правда, мы всегда выживаем. В любое время. Это для нас не экстрим, а скорее норма. Но бывает – и мы устаем.

Ну и на фоне всего я заболела.

Тоска не уморит, а с ног собьет. Пословица.

А сопротивляться всей этой фигне не было сил. Вообще не было.

И я заболела. Чем? Да никто не мог понять. Светила разводили руками – анализы приличные, обследования – вполне. Бесконечные визиты к врачам – пробовать различные новейшие техники, просвечиваться, залезать в трубу, дышать, не дышать, рассказывать.

Словом – «колоться». Про все свои беды. Вот это было самое сложное. Повторять снова и снова, что жизнь, в сущности...

Пропала жизнь. Такие дела. Ну и т. д.

Когда я начала писать? Для чего? Да вот тогда и начала. А для чего – да чтобы вырваться из этого мрака. Из тоски пусть мнимого, но одиночества, из безысходности. Из-под руин надо же было выбираться. Пока не завалило окончательно, пока не задохнулась.

Дороги, собственно, было две: одна – на свет божий, нару-

жу, из-под обломков, отряхиваясь и постанывая. Вторая – на кладбище. Что выбирать? На кладбище проще. Ближе. Вернее – путь покороче. Короче и проще. Просто сиди и жди. Все. Путь первый был тернист. Медицина не помогала. Ну, или помогала слегка. Умница-врач так и сказал:

– Теперь вы сами. Без вас мы, пардон, никуда!

– Ладно, попробуем, – наконец согласилась я. – Но уж если не выйдет – не обессудьте.

Он кивнул:

– Лично я в вас верю.

– А лично я в себя – нет! – очень радостно объявила я.

Потом я его пожалела. Но тогда мне было жалко только себя. Честно.

Почти никто не знал, что со мной происходит, – только самые близкие: муж, мама, сестра, подруги.

От сына скрывала – зачем это ребенку?

В то время я бралась за многое. Вернее, пыталась браться. Почти все надоедало сразу и бесповоротно.

Цветы на участке? Честно – пыталась. Нет, не мое. Хреновый из меня цветовод. И огородник тоже хреновый.

К тому же – больная спина...

Наконец зацепило.

Тарелки. Я стала расписывать тарелки. Огромная радость, поверьте! Покупались копеечные, икеевские. Белые и тяжелые. А уж на них...

На них я отрывалась! Подсолнухи с желтыми «лицами»,

домики с черепичными крышами и кошками на подоконниках, фиалки в горшках. Почти счастье. На некоторое время отпустило. Потом надоело. Все стены – у мамы, у сестры, у подруг – были в моих фиалках и кошках.

Ну сколько можно?!

Тарелки были, а вот денег не было совсем. Вспоминаю, как ходили по магазину с калькулятором и плюсовали цены – хватит ли расплатиться на кассе?

Вечный стресс.

Сапоги с тройными набойками, сумка с неприличными вытертостями, закрашенными фломастером. Нищета, не способствующая радостному настроению. Она вообще ничему не способствует. Не верьте, что она может сподвигнуть. Она только глубже и настырнее тянет вас в яму отчаяния и безразличия: я ничего не могу, нет для меня никаких женских радостей – ни магазинов, ни кафе, ни пляжа и моря...

Тогда – зачем? Карабканье это жалкое, эти потуги?

Все это – плюсики к моему состоянию. Все!

Сковородка с ободранным дном. Салатник с отбитым краем. Старые туфли. Плохая стрижка. Дешевая тушь. Шторы с дыркой. Выгоревшие обои.

Имя всему – Безысходность.

Именно так – с заглавной буквы.

Отсюда и настроение, правда. Не в бедности дело, а в унижении. Голодными не были ни разу, нет. А вот позволить себе ничего не могли.

Хотя...

Расставь приоритеты, милая! Ты ж не совсем дура. Стыдно все это на фоне страданий, катастроф, неизлечимых болезней, потери близких людей.

Стыдно.

Но это же моя жизнь!

И мне в ней больно, грустно, обидно. Пустынно. Я ведь... не худшая, правда? Тогда – почему? И вечный вопрос: кто виноват?

И вечный ответ: конечно же, я!

А уже хорошо за сорок. Большая, так сказать, часть жизни. Что я успела? Где отметилась? В чем отличилась?

Да, есть семья. Слава богу. Есть любовь – тебе снова мало? Нахалка. Есть сын – прекрасный, надо сказать, человек. Есть подруги. И какие подруги! Завидно самой себе. Опять мало? Нет, ты не нахалка. Ты хуже! Ты просто хамка. Вот кто ты. У других – и половины того, что есть у тебя, нет. А радуются ведь! Улыбаются!

Стыдно? Я – слабая? Я – бесстыжая? Я – неблагодарная?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.